

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

ЛЕБЕДИ

ВСЛЕД за днями летними
Улетев на юг,
Опускались лебеди
В пальмовом краю.
Опускались, падали
В синеву воды
И всплывали парами,
Царственно горды.
Им бросали комьями
Незнакомый корм.
Люди — незнакомы. —
Берег — незнаком.
Но среди толкующих
Был в толпе один,
Странный и тоскующий,
Хмурый нелюдим.
Был он светел волосом
И глядел устало.
Только его голоса
Не слыхала стая,
Но мерцало в лепете
Задрожавших глаз:
— Вы останьтесь, лебеди,
Навсегда у нас.
Помню пашни ровные,
Хату и жену.
Потерял я Родину,
Да привык, живу.
Что ж вы мне не верите?
Мы с земли одной...
Но молчали лебеди,
Плыли стороной.
Осенью ли, летом ли, —
Важно ли, когда? —
Но не свили лебеди
В том краю гнезда.
И однажды стаею
Собрались с утра.
— Там снега растаяли,
Нам пора, пора!
Там, где в ночь черную
Ветер завывал,
С лебедихой хворую
Лебедь зимовал.
Ждет нас край березовый.
Ивы да луга...
Поднималась с озера
Стая, как пурга.
Рвались крылья острые,
Молодые вдаль.
...А внизу, у озера,
Человек рыдал.

Что краски полдней и закатов
Ему мрак ночи заменил,
Что он в последний раз когда-то
Сраженья видел, а не мир.
Но в горе, силы лишь покинут,
Я вспомню: солнце и вокзал,
Стоит слепой перед картиной
С повязкой черной на глазах.

ГОЛОС УМИРАЮЩЕГО СОЛДАТА

Под Смоленском, Смоленском
В день рождения твоей
Между елок смолистых
Я лежу неживой.
По измятому насту —
Окровавленный след.
И жена моя, Настя,
Причитает чуть свет.
Плачет горлом, губами,
Слез глотая комок
И крест-накрест, по-бабьи,
Завернувшись в платок.
Поле стылое немо
И метель не слышна.
Как сине это небо...
Как тиха тишина...
И лежу я в ней, воин,
И снаряд не визжит.
Черный «мессер», как ворон,
Надо мной не кружит.
Видно, немцев осилив,
Наши дальше ушли.
Тишина над Россией —
До сибирской земли.
Незнакомый мальчишка,
Только вслушаюсь в тишь —
Хорошо, не молчишь ты,
А родившись, кричишь!
Будет солнце и полдень,
Под окошком — шаги,
Но, родившись, запомни:
В этот день я погиб.
Но родившись в ненастье
Ты счастливым расти.
Защити свою Настю
И мою — защити...
Только небо такое:
Нет покоя душе.
Под моею щекою
Снег не тает уже.

СЛЕПОЙ

БЫЛ полдень, солнечный и
дивный,
И дымом пахнувший вокзал.
Стоял старик перед картиной
С повязкой черной на глазах.
Звенела даль в квадрате рамы,
Ветрами, радугой полна,
И налетал состав упрямо,
Почти срываясь с полотна.
И чья-то юность в нем летела
Через огромную страну
И под баян огрипший пела:
— На целину! На целину!
Всего не понимая толком,
Мальчишки, шли мы по пятам,
Застыв, когда слепому тонко
Внучок о чем-то лепетал.
Он слушал голос жадно, молча,
Как щебет слушают в лесу.
И как огромные две ночи,
Два горяплыли по лицу...
Но ими вовсе не убитый,
Стоял он, строгий и немой.
И было нам до слез обидно,
Что мир вокруг — не для него,

СКАЗКИ

ПОМНЮ, к маме я прижался,
Слыша сказки в тишине.
Мир шуршал, преображался,
Трепыхался мир во мне.
Тополь, вздрагивая странно,
Спал, подстрижен, под ояном
На одной ноге, как страус,
И макушка под крылом.
И ручей между горами
Ускользал во тьму кустов,
И, сердясь, как Змей Горыныч,
Он о камни бил хвостом.
Мудрый Кот водил усами,
И улыбочата, бела,
Не девчонка, а русалка
Воду на плечи лила.
Сто Жар-птиц, а не закаты
Пыли свитою за ней
И вели, вели куда-то —
Впрямь за тридевять земель.
О, волшебный мамин шепот!
Тени таяли тихи.
И шептали губы что-то,
И не знали, что — стихи...